

An X-ray image of a human hand, showing the bones of the fingers, palm, and wrist. The image is overlaid with a dark blue background. The text is in a bright yellow color.

АНДРЕЙ АВДЕЙ

Истории
пациента
больницы

18+

Андрей Николаевич Авдей

Истории пациента больницы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57240065

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда попадаешь в больницу, можешь встретить кого угодно: от обидевшегося и распсиховавшегося покойника до бабушек с телесным зудом и даже ангелов. В общем, это сборник забавных и смешных историй, которые пережил лично, начиная с госпиталя и заканчивая нейрохирургическим отделением.

Содержание

Молчание – золото, или Почему я боюсь покойников	4
Любовь зла – ответишь за козла	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Молчание – золото, или Почему я боюсь покойников

Во времена отдания кредиторской задолженности Родине (сиречь воинской службы) довелось мне полежать в госпитале. Банально споткнулся на финише, сдавая норматив по кроссу. Причём маковкой о земную твердь приложился настолько удачно, что перед глазками поплыло, в ушках зазвенело, в носике защипало. А через несколько секунд, прощально улыбнувшись выпучившему глаза дождевому червю, я отключился.

Дальше помню смутно. Уазик, дорога, легкая болтанка и вот, наконец, меня кое-как усадили перед врачом приёмного отделения:

– Сотрясение мозга, – вердикт был категоричен, – в неврологию.

Небольшое отступление. Армейская неврология, а конкретнее, стукнутые по черепушке бойцы – это сборище просто придурков и талантливых придурков. Первые – клинические идиоты, например, ломавшие кирпичи об голову (не десант, отмечу, а два связиста, бравшие друг друга на слабо).

Вторые, загремевшие случайно, – ходячие и полуходячие сказочники, поэты, анекдотчики и не смолкавшие ни на минуту генераторы приколов. Куда там Петросяну с его челове-

ком-пчелой и шутками, списанными с наскальных рисунков! В нашей палате днями звучали настоящие жемчужины устного народного творчества, естественно, только матерные. Это ж армия, а не детский сад. Хотя с детским садом я, конечно, погорячился.

И сейчас помню:

– Сказок много в этом мире, и огромном, и потешном.

В этих сказках, как-никак, побеждал Иван–дурак.

Если вас попросят дети прочитать им строки эти...

...

– И смотри, не поломай.

Конец.

Многоточие – это четыре страницы задорного ненорматива в рифме. Надеюсь, общую атмосферу вы поняли.

Так как хрястнулся я головой капитально, заслужив «сотрясение второй степени», то был помещен не в многолюдную (человек на двадцать) палату, а в шестиместный солдатский «люкс». Первые дни прошли банально – уколы, капельницы, шум в голове, двоение в глазах и светобоязнь. Но, в конце концов, молодой организм воспрянул духом. Покачивания относительно прекратились, поэтому я смог медленно ходить, не шарахаться от включаемых ламп, а заодно познакомиться с соседом.

На кровати рядом вторую неделю сражался с последствиями ЗЧМТ (закрытой черепно-мозговой травмы) земляк из-под Вилейки Димон. Простой деревенский хлопец по клич-

ке Птеродактиль, прозванный так за умение развести глаза в разные стороны. Поверьте, зрелище было не просто впечатляющим.

Когда я впервые увидел, как он смотрит на обе стены одновременно, то потребовал вызвать батюшку и провести со-борование. К счастью, лечащий врач, капитан, услышав эту просьбу, не пригласил психиатра, зато поклялся отдать Птеродактиля в мединститут для опытов.

Как-то утром доктор, улыбаясь, зашел в палату:

– Как самочувствие, бойцы?

– Находимся в эрегированном состоянии, – бодро ответил я.

– То есть? – удивился офицер.

– В любой момент готовы выполнить приказы Родины: от защиты рубежей до воспроизводства себе подобных с особями женского пола.

– Ой, смотри, Авдей, когда-нибудь ты доп...ся, – улыбнулся доктор, – присядь.

И, достав традиционный молоточек, военврач приступил к задумчивому постукиванию:

– Так, так, так, хорошо.

– Ну, что там, товарищ капитан, про дембель слышно? – встрял Димон, традиционно разогнав глаза в разные стороны.

– Тьфу ты! – вздрогнул врач. – Предупреждать надо.

– Виноват! – вскочил Птеродактиль, вернув один глаз на

место.

– Мля, я тебе их сейчас на ж..пу натяну! – вскипел капитан, неловко шмякнув молоточком по моей неприкосновенной гордости.

– Мля!.. – закричал я.

– Мля, – смутился Димон, – Андрюха, извини.

– Смирно! – рявкнул офицер. – Горизонтальное положение принять, глаза закрыть!

– Есть! – тут же замерли четыре таракана, тащившие таблетку ноотропила (зачем он им? Дом строили, что ли?).

– Идиоты, – вздохнул доктор.

– Не обобщайте, – возмутился я.

– Поддерживаем, – отозвались тараканы.

– Молчу, – не открывая глаз, шепнул Птеродактиль.

– Так, Авдей, приляг, – приказал капитан, – и пока я буду тебя осматривать, читай стишок.

– Зачем?

– Чтобы было, – отрезал офицер.

– Своё можно?

– Даже так? – хмыкнул капитан. – Ну, давай.

И, вытянувшись на кровати, я начал вещать, старательно заменяя нецензурную лексику.

Три девицы под окном пряли поздно вечерком.

Говорит одна девица: «Если б я была царицей...»

Тут вмешалась вторая: «Не смейся, да ты косая!

Это я стану царицей!». Третья крикнула девица:

«Ты, подруга, офигела? Посмотри на свое тело!».

Слово за слово и... ой! Девки ринулись в бой.

Разнесли округу в пыль. То не сказка, это быль.

И теперь лежат девицы с переломами в больнице.

Мудрость этой басни в чем? Хорошо быть мужиком!

– Талант, правда? – не открывая глаз, восхитился Птеродактиль.

– Талант, – согласился военврач, – но попомни мои слова, Авдей, все-таки когда-нибудь ты доп...ся.

Наверное, судьба решила поскорее выполнить пожелание капитана, потому что это самое «когда-нибудь» наступило буквально через неделю, когда я уже без опаски прогуливался по огромной территории госпиталя, со вздохом глядя за забор. Там кипела гражданская жизнь, цокали каблучками девчата, трясли хаерами какие-то неформалы, а под сенью деревьев булькало свежее пиво.

Эх, еще почти год носить зеленые джинсы и черные кроссовки! С этими мыслями я вернулся в отделение, где подчеркнуто вежливый дворецкий из господ сверхсрочников уже зазывал «раненых» отужинать в ресторации:

– Я б.. (дама, бесплатно осеняющая мужчин благодатью), уже за... (самозанятость в сексе в прошедшем времени) орать. Вы, бойцы, совсем о...(наелись ухи)? Ходячие, быстро по... (ходьба посредством мочеполовой системы) жрать! А кто про... (воспроизводство себе подобных в настоящем времени), то будет с...(оральные утехы в качестве исполни-

теля этих утех).

Ну, как не уважить человека после такого витиеватого приглашения? Встретившись в коридоре с Димоном, медленно направляемся в столовую...

– Бегом, п... (нетрадиционщики мужского пола)!

– Всемиловитейший граф, – осмелился вякнуть я, – мы контуженные, посему высочайшей милостью от бега освобождены. Правда, милорд?

– Зрите в корень, ваше сиятельство, – кивнул Птеродактиль.

– Тогда ползком, дол... (что-то вроде перфоратора, производящего себе подобных методом долбления)!

Звуковая волна орущего сверхсрочника за секунду вдуча нас в ресторацию, бесцеремонно шмякнув за стол. На котором уже булькало Шато де Шамбор 1973 года (компот) и аппетитно пахли рябчики, запеченные в ананасах (рыбная котлета и перловка).

После трапезы мы с Птеродактилем вернулись в палату. Димон отрубился через несколько минут, а вот мне не давала уснуть ноющая головная боль.

Поэтому, безрезультатно поворочавшись около часа, я тихо оделся и вышел в коридор к дежурной медсестре по кличке Фрекен Бок. Почему Фрекен, не скажу, а вот Бок! Когда Димон в палате разыграл перед ней сценку «смотрю везде», испуганная женщина легким движением могучих телес отправила шутника в полет через три кровати.

Сильная была женщина, очень сильная. Но меня почему-то любила, как сына.

– Опять, – глянув на мое перекошенное лицо, вздохнула медсестра, – сделать укол?

– Спасибо, Валентина Сергеевна, потерплю. Можно с вами посидеть?

– Чай будешь?

– Буду.

Мы разговаривали около часа, пока женщина не вспомнила:

– Андрей, глянешь первую?

Это палата для тех, кому (ничего не поделаешь) помочь было нельзя. Добавлю, что в отделении, кроме солдат, лечились и офицеры, как действующие, так и в отставке, от молодых до старых и очень старых. Поэтому первая палата, к сожалению, пустовала редко. В ту ночь там доживал последние часы 90-летний дедушка.

– Так сходишь? – повторила Валентина Сергеевна.

– Пять минут, – с этими словами я протопал к первой, включил свет и через несколько минут отрицательно замотал головой. – Все.

Дед лежал, устремив последний взгляд куда-то в потолок. Руки свисали с кровати, а рот застыл в последнем беззвучном крике

– Поможешь вывезти? – тихо спросила подошедшая медсестра.

– Конечно.

– Руки сложи, а я все оформлю.

И пока Валентина Сергеевна привязывала какую-то пильку к большому пальцу покойного, я аккуратно скрестил безжизненные руки на груди ушедшего в небытие. Через секунду они снова упали. Я опять сложил. Они упали. Я сложил. Они упали. Я сложил. Они упали. Я сложил. Они упали. Я сложил.

– Ху! – возмущенно выдохнул мертвец.

– Ух! – согласно пискнул я, потеряв сознание.

– ...нулся, Слава Богу, подхватить успела, – бормотала перепуганная медсестра. – Что случилось?

– Он дышит!

– Нет, – тихо рассмеялась женщина, – ты просто выгнал из его легких воздух. Вот и...

– Аааа, мля, – задумчиво просипел я, глянув в сторону покойника. Тот подмигнул.

– Мля, ааааа! – покрылись инеем мои фаберже. – Может, лучше спать?

– А? – повторила Валентина Сергеевна. – Иди в палату, я вызову дежурных.

– Нет, все нормально, – зажав ногами звеневшие бубенцы, решительно ответил я, – докатим до морга, не волнуйтесь.

В ту минуту, уверен, мой ангел-хранитель истерично махал крыльями:

– Куда, б.. (дама, бесплатно осеняющая мужчин благодатью), собрался? П... (быстрая ходьба посредством мочеполю-

вой системы) спать. На... (мужская гордость) мне это надо! Он будет в морге шаро... (воспроизводство себе подобных в чем-то сферическом), а мне спасай? Как ты меня за... (самозанятость в сексе в прошедшем времени)!

Но, во-первых, показывать слабость перед женщиной стыдно. Во-вторых, за то, что меня напоили чаем и накормили булочками, я просто был обязан помочь.

– А в-третьих, – вздохнул ангел-хранитель, – ты полный дол... (что-то вроде перфоратора, производящего себе подобных методом долбления)!

Но, против ожидания, до морга добрались спокойно. Усопший, видно, устыдившись своего поведения, лежал смиренно и не дергался. Наверное, он был несказанно рад, увидев мрачную дверь приемного покоя, последней обители мертвых. Её тускло освещала единственная лампочка, качавшаяся на столбе с жутким скрипом. В общем, типичный антураж низкопробного ужастика.

– Вот и все, – улыбнулся я.

– Почти, – хмыкнул ангел-хранитель, закуривая.

Закатив тележку в приемный покой морга, мы с медсестрой на секунду замерли от удивления: целых семь каталок с пациентами, укрытыми простынями, спокойно дожидались утреннего обхода.

– Сколько народу-то, – перекрестилась Валентина Сергеевна.

– Здорово, мужики! – храбро крикнул я, добавив:

– А нашего куда засунуть?

– Может, туда, – медсестра показала на стоявшие в метре друг от друга каталки.

– Точно, – я решительно подтолкнул нашего деда в свободную нишу. – Блин, не проходит!

– Сейчас будет самое интересное, – и ангел-хранитель прикурил новую сигарету.

– Андрей, там какой-то брусок лежит, мешает, – подсказала Валентина Сергеевна.

– Сей момент, – с этими словами в позе эволюционирующей рептилии я втиснулся в нишу, – блин, не развернуться.

И, толкнув соседнюю каталку, зачем-то буркнул:

– Подвинься, разлежся тут!

Всё-таки покойники очень обидчивые. Это стало понятно, когда ледяная рука крепко схватила меня за шею. И так крепко!

«Вот и до...ся», – подумал я, теряя сознание.

Очнулся в своей палате. Как рассказала Валентина Сергеевна, от толчка соседней каталки рука покойного выскользнула и очень «удачно» приземлилась мне на шею. Мало того, пальцы мертвого были скрючены, что только добавило реализма. Я тогда еще подумал, хорошо, что не нога и под зад не пнула. И уносить бы меня не пришлось, все на месте – и морг, и специалисты, и компания «единомышленников».

Дальше – неинтересно. Вытащили меня срочно вызванные дежурные по госпиталю. А утром лечащий врач, ма-

терясь, внимательно осматривал «дятла, задолбавшего даже мертвых».

– Все нормально, боец, – через несколько минут капитан довольно подмигнул, – ухудшений нет. Кстати, если хочешь, можем сделать экскурсию в морг, ты теперь местная знаменитость. Хочешь на вскрытии побывать?

– Сейчас кто-то до...ся, и его самого вскроют, – заскрипел зубами ангел-хранитель.

– Да ладно, я пошутил, не бледней, – доктор поднялся и, стоя в дверях, вдруг ехидно добавил:

– Но если надумаешь, только свистни.

С тех пор я к мертвым не подхожу ближе, чем на три метра. Кстати, и свистеть перестал – мало ли.

Любовь зла – ответишь за козла

Начало мая 2001 года порадовало теплом, поэтому я рубил дровишки в форме одежды номер два: штаны, сапоги и голый торс. А что, солнышко светит, ветерок прохладный – почему бы и не позагорать? Позагорал, блин! Да так удачно, что через неделю оформлялся в больницу: пневмония.

КОЗЛИКИ

В палате нас обитало четверо: Игорь, Сергей, Валентин и я. Познакомились быстро, а с Игорем еще и стали друзьями. Кстати, несмотря на начало дачного сезона, основной контингент пульмонологии состоял почему-то из бабушек. Причем старушки были не просто лихими, а бесшабашными на всю голову.

Заметили мы это почти сразу. Вечером, после стандартной процедуры «мазнули ваткой – воткнули – ойкнул» каждый занимался своим делом. Кто-то читал, кто-то смотрел телевизор. Бабули же, перемигиваясь, сначала дрейфовали по коридору, а потом резко исчезли.

– Может, дрыхнут? – возвращаясь с Игорем из курилки, предположил я.

Тот лишь пожал плечами:

– Или на улице.

– Какие милые козлики!

Опа! Хором икнув от неожиданности, мы выпучили гла-

за на хихикающих у лестничного пролета «козочек» восьмидесятилетней выдержки. Вот и бабули нашлись. Глазки блестят, суставы похрустывают. И, главное, весело так, с задорным притопом и намёками. Явно хлебнули втихаря.

– Андрей, – выдохнул Игорь, – вон та, в пуховой шали, наручники вяжет. Сам видел.

– Не тыкай пальцем, решит, что понравилась, – зашипел я. – Ой, она подмигнула!

– И что это мы дрожим? – сложив губки бантиком, одна из «молодиц» многозначительно кивнула на бутылку. – Может, винца для храбрости?

Честное слово, мы рванули так, что обогнали тапки. Кажется, бежали даже по потолку. При этом губы тряслись, глаза слезились, а в ушах звенело удивленное:

– Ребята, вы куда?

Кто бы мог подумать, что бухие пенсионерки по вечерам выходят на охоту? И ведь сразу не угадаешь, что у них в голове! По своей природе пьяная женщина вообще непредсказуема, а если к тому же связала наручники...

– Интересно, они знают, из какой мы палаты, или нет, – с трудом прокашлявшись, просипел я.

Словно отвечая на вопрос, дверь скрипнула, явив пуховую шаль:

– Ребята, вы здесь?

Сдавленно пискнув, мы тут же нырнули под кровати.

– Ушли, – горестно вздохнула бабуля, – а жаль, всё так

хорошо начиналось.

«Слава Богу, пронесло!» – подумали мы.

Стоп, а где Серега и Валентин?

– Ребята! – донеслось из коридора.

С тех пор, если вижу губки бантиком, то сразу икаю.

КОЗЛЫ

Единственный плюс больницы – можно выспаться. Кажется бы, а нет!

– Кто много спит, тот быстро толстеет, – и, грохнув ведром об пол, в палату шагнула са-нитарка по кличке Громозека.

Судя по габаритам, лично она просыпалась только ради нашей побудки. Для понимания, весь я – это её нога. Плюс тётка обладала недюжинной силой, легко поднимая кровать вместе с пациентом. Не удержался? Твои проблемы.

Уборка проводилась оригинально: кроме мытья санитарка пинала все, что на полу. Главное, столкнет, а потом бьётся:

– Устроили бардак!

Да какой бардак? Я здесь не валялся, сама же вытряхнула из кровати. Хорошо еще, что увернуться смог. Нога у тетки, как и рука, была очень тяжелой.

За что она не любила нашу компанию, сказать сложно. Может, кто-то из нас внешне смахивал на зятя или на покойного мужа, умершего от счастья через день после свадьбы. А может, на первую любовь, отказавшуюся от возлжания даже под угрозой переломов и вывиха копчика. По-

чему я так думаю? Да потому, что начинать в палате уборку ровно в шесть утра можно только ради страшной мести!

Ни просьбы, ни уговоры не помогали.

– Послушайте, по распорядку подъем в семь тридцать!

– Ноги убрал!

– В конце концов, дайте поспать!

– Устроили бардак!

Ладно, не нравится тебе кто-то, убей его. В конце концов, защекочи усами насмерть. Бед-нягу не спасти, но остальные выспятся!

– Ноги убрал!

Да сколько можно! Мы же не нанимались отвечать недосыпом за грехи неизвестных страдальцев. Поэтому на внеочередном собрании кашляющих было принято решение бороться до последнего чиха.

И уже следующим утром тетку ждал сюрприз в виде сумки с огромным воздушным шариком внутри. Хитро спрятанные вокруг иголки притаились в полной боевой готовности.

Все-таки у женщин есть какое-то седьмое чувство, предупреждающее об опасности: Гро-мозека вошла в палату слишком неуверенно и тихо.

Но явное нарушение порядка заставило мгновенно позабыть об осторожности:

– Совсем оборзели. Развели бардак!

И замахнувшись изящной пятидесятикилограммовой ножкой, тётка со всей дури влупила по сумке. Грохот был

такой, что в процедурной две капельницы приняли буддизм, а кар-диограф признался в любви к электрофорезу.

Знаете, я все-таки восхищаюсь этой женщиной. Другая бы на её месте заорала во всю силу легких. А эта просто улетела на ведре, быстро загребая шваброй, напоследок рыкнув:

– Козлы!

Ну, и что, что козлы, зато стали высыпаться. Ведь после того случая уборка в палате на-чиналась ровно в семь тридцать. Причем вначале грохало ведро, а затем Громозека рычала приветствие:

– Козлы, вы еще за это ответите!

И КОЗЛЫ ОТВЕТИЛИ

Лично я твёрдо уверен в том, что у женщин есть свой бог. Римский, Истерий Пад-лиус. Это он сделал так, что уже через два дня после воздушного шарика наши, простите, задницы стонали и плакали.

И было от чего. Процесс лечения, кроме таблеток, заключался в трехразовом получении двух уколов. Первый был умеренно болезненный, второй – свыше умеренного. Но молоденькая сестричка Катя делала все очень аккуратно и без неприятных ощущений. Поэтому процедура была вполне себе терпимой.

Но вот Истерий услышал Громозекины молитвы. Вероятно, тётка дала клятву не есть по-сле шести вечера больше шести порций весом более шести килограмм. И тронутый этим актом самопожертвования, Падлиус отправил Екатери-

ну на курсы, взамен прислав Марию – тоже милую и красивую девушку.

Я заподозрил неладное, когда в палату, оскалившись, заглянула Громозека собственной персоной:

– Авдей, на уколы.

С чего бы это вдруг? Мы недоумённо переглянулись, а вот задница вздрогнула, почуяв опасность.

Ладно, разберемся на месте. Но все подозрения рассеялись, стоило войти в процедурную:

– Здравствуйте, – улыбнулась новая медсестра.

Какая милашка, добрая, приветливая, чего боялся-то?

– Вы так похожи на моего бывшего мужа, – продолжила девушка, – ложитесь.

Церемонно оголив седалище, я уже был готов на затейливый комплимент, как вдруг...

«Ах, ты ж, муха-цокотуха, выдра гватемальская!» – мелькнуло в голове после не очень болезненного укола.

– Если погибну, считайте меня трансвеститом! – когда Мария делала второй укол, я был готов на все, только бы уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.